

ЮБИЛЕИ

УДК 02(470)(092)

Э. Р. Сукиасян

Давно это было... (К 75-летию Ю. Н. Столярова)

Ключевые слова: Столяров Ю. Н., юбилей, студенческая жизнь, педагогическая деятельность, научная деятельность.

Вначале я хотел назвать эти заметки «*Всю жизнь шли рядом*». Однако потом оказалось, что все слова не очень точные. Не *шли*, а *сидели* – четыре студенческих года. И не *рядом*, а *друг за другом*. Справа от меня сначала сидела Галя Ладыгина, которая, став Галиной Евгеньевной Столяровой, действительно прошла рядом с Юрой – Юрием Николаевичем – всю свою жизнь – 54 года! В 322-й и 324-й аудиториях Московского государственного библиотечного института (нынешнего МГУКИ) за столами сидели по три человека. Поэтому в нашем дружном коллективе всегда было четыре девушки и два юноши. Объединяло нас то, что мы с первого дня знали: будем *библиотекарями*. Соответственно и учились.

Познакомились мы ещё на вступительных экзаменах. В огромной аудитории (на четвёртом этаже единственного тогда учебного корпуса) поселили абитуриентов. Наши с Юрой койки оказались рядом. Поскольку у меня уже был опыт (я поступал второй раз), мои рассказы о том, как проходят экзамены, все слушали с интересом.

Общежитие нам дали только после первой сессии. А до этого – пять месяцев – мы вдвоём жили у «бабы Нюры» в комнатухе размером 180 на 160 см (нам по росточку хватало). Понятно, что заниматься «дома» было невозможно, и всё время мы проводили в институте, который остался для нас *домом родным* на все годы учёбы.

Учились на совесть. Юра с первых дней приучил себя к работе с первоисточниками. Я имею в виду не только тех классиков, без которых не обходилось изучение истории КПСС, философии или политэкономии (а ещё был искусственно созданный предмет: научный коммунизм). Если надо было прочитать Гегеля или Фейербаха, – ездили в «Ленинку». Хорошо помню, как наш преподаватель диамата (диалектического материализма) спрашивал всякий раз: «Столяров, откуда вы это списали?» Мы все были уверены, что сам преподаватель этих философов не читал никогда. Как-то раз мы с Юрой принесли их портреты – не узнал никого.

Юру в студенческой среде уважали, называя с любовью «цитатчиком». Он умел искать и находить лучшие высказывания, аккуратно записывал их (почерк всегда был бисерный, но разборчивый), не забывая указать страницы. Но не это главное: у него в портфельчике это «досье» так оригинально хранилось, что нужная цитата обнаруживалась сразу. Что интересно: никому и в голову не приходило называть его «профессором» – все знали: Юра – заядлый велосипедист.

Я думаю, учёного в нём разглядел его наставник Юрий Владимирович Григорьев (1899–1973). И тогда, наверное, начался процесс воспитания.

Мы очень рано выбрали для себя руководителей. Мой – Захарий Николаевич Амбарцумян (1903–1970) всегда говорил мне: «Заниматься наукой в нашем деле – труд неблагодарный. Практике нужны сильные методисты. А кому нужна наша наука? Во всяком случае – не библиотечному делу». На последнем слове он делал ударение.

Признаться, я и сегодня не очень уверен, что *делу* нужна такая наука. Но такие учёные, как Юрий Николаевич Столяров – «возмущающие» спокойствие каждой своей монографией, каждым выступлением в печати – нужны. Хотя бы для того, чтобы люди нашей профессии не разучились самостоятельно думать.

В этом смысле главное для меня в оценке Юрия Николаевича – его многолетняя, поразительная во всех отношениях, педагогическая деятельность. Он – учитель, как говорится, от Бога! (Учителем был и его отец –

возможно, именно по наследству что-то перешло и развилось.) Тот, кто слушал Юрия Николаевича, знает, что этот волшебный дар невозможно переоценить. В аудитории всегда так тихо, будто никого нет. И только открыв дверь, убеждаешься: идёт работа. Некоторые даже не замечают вошедшего (есть невидимая объединяющая оболочка, и все лишние – за её пределами), пока улыбающийся Юрий Николаевич не представит его, никто и не шелохнётся...

«Аспирантский курс» (методологии науки), который читает Юрий Николаевич, – это, как мне рассказали слушатели, «высший синтез формы и содержания».

Наши отношения всегда были дружескими, предельно искренними. Даже тогда, когда Юрий Николаевич отправил библиотечные каталоги к «акциденциям», мне удалось сохранить внутреннее спокойствие. Слово это трактовалось им тогда, как «случайность» (может, есть они, а может быть, их и нет). Но библиотекарь знает: без каталогов всякая библиотека превращается в книжный склад... Потом Юрий Николаевич написал, что каталоги – это как бы... продолжение руки библиотекаря (т.е. в четырёхэлементной системе библиотеки относятся к библиотекарю). (Но люди ведь смотрят в словари, где акциденция – нечто временное, преходящее, несущественное, изменчивое. Хорошо, что З. Н. Амбарцумян не услышал этих слов при жизни...)

Однажды слушатели Высших библиотечных курсов спросили меня, какая из многих книг профессора Ю. Н. Стоярова лучшая. Лучшая? Это зависит от назначения. Есть любимая мной – «Библиотеки в экстремальной ситуации». Её должен прочитать каждый библиотекарь.

Всё написанное Ю. Н. Стояровым вы прочитать не сможете. Найдите сначала то, что он написал о Библии и Коране, А. С. Пушкине. Дальше – проще. Читайте с удовольствием!